

RU

Грамматические категории имени и глагола в русском, долганском и эскимосском языках: опыт типологического сопоставления

Головацкая Т. П., Назмутдинова Т. С., Сидоренко К. П.

Аннотация. Цель исследования – выявление зон грамматического рассогласования на материале ключевых категорий имени и глагола в русском, долганском и эскимосском (чаплинский диалект) языках. В статье представлен сравнительно-сопоставительный анализ таких категорий, как падеж, число, род, лицо, время и вид. Основное внимание уделено системному описанию формального выражения и функциональной нагрузки этих категорий в трех разнотипных языках, принадлежащих к флективному (русский) и агглютинативному (долганский, эскимосский) типам. Научная новизна заключается в комплексном сопоставлении грамматического строя трех языков различного генетического происхождения (славянская, тюркская, эскимосско-алеутская семьи) с позиций их типологической характеристики. Впервые выявлены корреляции между типологическими особенностями данных языков (номинативный или эргативный строй, наличие/отсутствие категории рода, структура падежной системы, способы выражения аспектуальности) и спецификой их грамматической организации. Результат исследования показал, что основные зоны структурных различий связаны с категорией рода, отсутствующей в долганском и эскимосском языках, несовпадением падежных систем (количество падежей, набор значений, синтаксические функции), а также с различной грамматикализацией аспектуальных значений. Полученные данные вносят вклад в типологическое языкознание и могут служить основой для дальнейших исследований в области контактной лингвистики.

EN

Grammatical categories of nouns and verbs in the Russian, Dolgan, and Eskimo languages: a typological comparison

T. P. Golovatskaya, T. S. Nazmutdinova, K. P. Sidorenko

Abstract. The purpose of the study is to identify areas of grammatical inconsistency based on the material of key categories of names and verbs in the Russian, Dolgan and Eskimo (Chaplin dialect) languages. The article presents a comparative analysis of such categories as case, number, gender, person, tense and aspect. The main attention is paid to the systematic description of the formal expression and functional load of these categories in three differently structured languages belonging to the inflectional (Russian) and agglutinative (Dolgan, Eskimo) types. The scientific novelty consists in a comprehensive comparison of the grammatical structure of three languages of different genetic origin (Slavic, Turkic, Eskimo-Aleut families) from the standpoint of their typological characteristics. For the first time, correlations have been revealed between the typological features of these languages (nominative or ergative structure, presence/absence of gender categories, structure of the case system, ways of expressing aspectuality) and the specifics of their grammatical organization. The result of the study showed that the main areas of structural differences are related to the gender category, which is absent in the Dolgan and Eskimo languages, the discrepancy of case systems (number of cases, set of meanings, syntactic functions), as well as with different grammaticalization of aspectual meanings. The data obtained contribute to typological linguistics and can serve as a basis for further research in the field of contact linguistics.

Введение

Актуальность настоящего исследования обусловлена тем, что в современном языкознании назрела объективная необходимость проведения сопоставительного анализа морфологических систем агглютинативных языков (языки коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока) и флективного русского языка. Настоятельная потребность в подобном исследовании вызвана несколькими взаимосвязанными обстоятельствами.

Во-первых, в Арктической зоне Российской Федерации сложилась новая социолингвистическая ситуация: интенсивность контактов между носителями языков коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока и носителями русского языка достигла уровня, при котором языковая интерференция приобрела системный характер, а процессы переключения кодов и постепенной редукции миноритарных языков превратились в устойчивую тенденцию.

Во-вторых, несмотря на то что отечественной лингвистикой накоплен значительный объем описательных данных по долганскому, эскимосскому и русскому языкам в отдельности, указанные сведения до настоящего времени не обобщены в единой типологической перспективе. Вследствие этого остается невозможным ответ на фундаментальный вопрос о том, каким образом соотносятся грамматические категории числа, падежа, времени, залога и лица в разноструктурных языковых системах.

В-третьих, решение данной проблемы востребовано не только фундаментальной наукой, но и смежными дисциплинами, достигшими того уровня развития, на котором возникает потребность именно в контрастивных данных по разнотипным языковым системам. Психолингвистика не в состоянии построить адекватную модель билингвального сознания носителей языков коренных малочисленных народов Севера без учета взаимодействия агглютинативных и флективных словоизменительных стратегий. Педагогика испытывает необходимость в контрастивном обосновании при создании учебных материалов, адресованных носителям языков коренных малочисленных народов. Компьютерная лингвистика, в свою очередь, сталкивается с проблемой автоматической обработки многоязычной арктической речи, в которой переключение между кодами разных типов продуцирует морфологические структуры, не поддающиеся описанию с помощью стандартных алгоритмов.

Таким образом, актуальность работы обусловлена объективной потребностью языкознания в решении теоретической и прикладной задачи, своевременность которой определяется критическим состоянием языков коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, а также запросом на научное обеспечение сохранения языкового разнообразия в Арктическом регионе.

Для достижения вышеуказанной цели исследования необходимо решить следующие задачи:

- осуществить отбор базовых грамматических категорий имени и глагола в русском, долганском и эскимосском языках для сопоставительного анализа;
- провести сравнительно-сопоставительный анализ формального выражения и функциональной нагрузки выделенных категорий (падеж, число, род, лицо, время, вид) в трех разноструктурных языках;
- выполнить типологическую интерпретацию выявленных контрастов и лакун.

Эмпирическую базу исследования составили грамматические системы трех разноструктурных языков: русского, долганского и эскимосского (чаплинский диалект). Источниками фактического материала выступили фундаментальные грамматические описания и специализированные научные труды по указанным языкам.

Решение поставленных задач потребовало использования нескольких лингвистических методов, каждый из которых применялся на соответствующем этапе работы.

На этапе выделения грамматических категорий, подлежащих сравнению, использовался описательный метод. Из грамматик русского, долганского и эскимосского языков последовательно извлекались сведения о категориях падежа, числа, рода, лица, времени и вида. Полученные данные систематизировались в виде таблиц, фиксирующих формальные показатели и перечень грамматических значений каждой категории в отдельно взятом языке.

Для непосредственного сопоставления трех языков применялся контрастивный метод. Сравнение проводилось попарно (русский – долганский, русский – эскимосский, долганский – эскимосский), а затем обобщалось в трехязычной перспективе. В ходе сравнения отмечались три типа соотношений: полное совпадение способов выражения и набора значений; частичное несовпадение (разный объем значений при наличии общей категории); лакуна (отсутствие категории в одном или двух языках).

На завершающем этапе для объяснения выявленных расхождений использовался типологический метод. Зафиксированные различия были соотнесены с типологической характеристикой каждого языка. Это позволило интерпретировать конкретные зоны грамматической интерференции как следствие системных, а не случайных расхождений.

Теоретическую базу исследования составляют труды по грамматическому строю долганского, эскимосского и русского языков, а также работы в области типологии и языковой интерференции.

Фундаментальные описания долганского языка представлены в исследованиях Е. И. Убрятовой (1985), где системно изложены фонетические и морфологические особенности этого тюркского языка, и Н. М. Артемьева (2001), который детально проанализировал падежную систему и глагольные формы долганского. Грамматика эскимосского языка (чаплинский диалект) подробно освещена в работах Г. А. Меновщикова (1960; 1962; 1967), посвященных именным и глагольным категориям, а также в трудах Н. Б. Вахтина (1986; 2001) и Е. С. Рубцовой (1971), рассматривавших эргативную конструкцию и аспектуальные показатели.

Для сопоставительного анализа привлекались классические описания русской грамматики (в частности, по категориям падежа, рода, вида), а также работы по контрастивной лингвистике и интерференции при обучении русскому языку как неродному. Большой интерес вызывают сопоставительные исследования последних лет, направленные на выявление структурных различий языков (Бурмистрова, 2024, с. 5).

Кроме того, теоретической опорой послужили публикации, посвященные языковым контактам народов Севера, в том числе анализу интерференционных процессов в языке азиатских эскимосов (Вахтин, 2001) и долганско-русскому двуязычию (Федорова, 2011).

Практическая значимость работы видится в том, что результаты исследования могут применяться в практике преподавания русского языка как неродного в вузах, где обучаются носители долганского и эскимосского языков (в частности, в Институте народов Севера РГПУ им. А. И. Герцена). Выявленные зоны грамматических расхождений позволяют целенаправленно предупреждать типичные ошибки при изучении грамматических категорий и синтаксических конструкций.

Материалы работы пригодны для использования в учебных курсах по контрастивной лингвистике, типологии, методике преподавания русского языка в билингвальной среде. Полученные данные могут быть положены в основу разработки специализированных диагностических тестов, коррективных упражнений учебных пособий для студентов, изучающих языки коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации.

Обсуждение и результаты

В имеющейся литературе по языкам коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (долганскому, эскимосскому и др.) основное внимание уделяется проблемам их сохранения (Беглова, Назмутдинова, Чебоксарова, 2013, с. 192; Головацкая, с. 2010, с. 113-118) и характеристике их актуального состояния (Novgorodov, Nazmutdinova, Petrov et al., 2020).

Однако, несмотря на наличие фундаментальных описаний долганского и эскимосского языков (работы Е. И. Убрятовой (1985), Н. М. Артемьева (2001), Г. А. Меновщикова (1960; 1967), Е. С. Рубцовой (1971), Н. Б. Вахтина (1986; 2001) и др.), их сопоставительный анализ в системе «русский – долганский – эскимосский» с целью прогнозирования интерференции в практике преподавания русского языка как неродного до настоящего времени не проводился на морфологическом уровне. Существенный вклад в описание механизмов синтаксической интерференции вносят исследования Т. С. Назмутдиновой (2017), а также работы Т. С. Федоровой (2005; 2011) выполненные на материале речи долгано-русских билингвов и раскрывающие специфику взаимодействия грамматических систем в условиях билингвизма на уровне синтаксиса. Особенности орфографической и лексической интерференции при функционировании иноязычных лексических заимствований в эскимосском языке (чаплинский диалект) рассматривались в работах Т. П. Головацкой (2012, с. 470-472).

В современных условиях развития языковых процессов наблюдается актуализация феномена взаимодействия русского и этнических языков, выражающаяся в формировании гибридных языковых форм. Как отмечается в специальных исследованиях, специфика функционирования языков коренных малочисленных народов Севера на современном этапе характеризуется возникновением особого лингвистического образования, квалифицируемого исследователями как «смешанный язык» (Беглова, Назмутдинова, Чебоксарова, 2013, с. 198). Другие исследователи отмечают, что «русский язык служит опорой для изучения многочисленных этнических языков, а кроме того, является средством обогащения и развития их языковых ресурсов» (Зайцева, Курбатова, 2025, с. 329).

Типологический анализ грамматических систем показывает, что различия между флективным русским и агглютинативными долганским и эскимосским языками носят системный характер. Эти различия затрагивают все ключевые категории имени и глагола.

Имя существительное: категории падежа, числа и рода

Категория падежа. В русском языке представлена шестипадежная система с развитой омонимией флексий и многозначностью каждого падежа. Долганский язык обладает значительно более разветвленной системой падежей (основной, родительный, дательный, винительный, исходный, орудный, сравнительный, подобный), при этом каждый падеж имеет, как правило, более узкое, конкретное значение. В грамматической системе эскимосского языка функционируют две парадигмы склонения имен существительных: простое и лично-притяжательное. Обе парадигмы характеризуются наличием семи падежных форм (абсолютный, относительный, творительный, дательно-направительный, местный, продольный и сравнительный). Номенклатура, морфологические показатели и синтаксические функции эскимосских падежей не имеют прямой корреляции с падежной системой русского языка.

В рамках простого склонения падежные аффиксы присоединяются непосредственно к именной основе, например: форма аңъяк соответствует значению *‘байдара, лодка’* в абсолютном падеже; аңьямың *‘от байдара, лодки’* – творительный падеж со значением отложительности, обозначает предмет, от которого направлено действие; аңьямун *‘к байдаре, лодке’* в дательно-направительном падеже; аңяхтун *‘подобно байдаре, лодки’* или *‘наподобие байдара, лодки’* (сравнительное значение).

Лично-притяжательное склонение образуется путем присоединения падежных показателей к основе, осложненной притяжательными суффиксами. Данные формы выражают значение принадлежности предмета определенному лицу или числу. Примеры: аңьяка *‘моя байдара, лодка’*; аңяхпут *‘наша байдара, лодка’*; аңьятың *‘свои (их) байдара, лодки’*.

Эскимосский язык демонстрирует еще более сложную картину падежной системы: абсолютный, относительный (эргативность), творительный, дательно-направительный, местный, продольный и сравнительный. Абсолютный падеж квалифицируется как прямой, тогда как остальные падежные формы относятся к разряду косвенных. Ключевое различие заключается в принципах организации предложения: русский язык – номинативный, эскимосский – эргативный. В эскимосском языке субъект переходного действия оформляется относительным

(эргативность) падежом, а объект – абсолютным, что кардинально расходится с русской схемой «подлежащее в именительном падеже + сказуемое + дополнение в винительном падеже»; эскимосская схема «подлежащее в относительном падеже + субъектно-объектный глагол / субъектный глагол + подлежащее дополнение в абсолютном падеже»: Агнам укиниқа аткук *‘Женщина шьет куклянку’*, Югым ныхсяқ унақақа *‘Человек добывает нерпу’*.

Аналогичная оппозиция двух типов словоизменения, именного (простого) и притяжательного, прослеживается и в системе склонения долганского языка, хотя и с иной падежной номенклатурой и типологическими характеристиками. В долганском языке простое склонение представлено восемью падежами, каждый из которых обладает специфическим набором аффиксов, варьирующихся по закону прогрессивной ассимиляции. Именная основа в парадигме простого склонения принимает падежные показатели непосредственно, выступая в чистом виде лишь в форме основного падежа, например: таба *‘олень’* (номинатив); таба-ны *‘олень’* (родительный); таба-га *‘олень’* (дательный); таба-ттан *‘от олени’* (исходный); таба-ннан *‘оленью’* (орудный); таба-таагар *‘чем олень’* (сравнительный); таба-лыы *‘как олень’* (подобный). Вторую, более сложную парадигму образует лично-притяжательное склонение, которое маркирует отношения принадлежности: табам *‘мой олень’* в именительном падеже; таба-бын *‘олень-мою’* в винительном падеже; таба-лар-быт-тан *‘от наших оленей’* – множественное число, притяжательность первого лица множественного числа, исходный падеж.

Важно подчеркнуть, что, несмотря на наличие общей идеи противопоставления простого и притяжательного склонения, типологическая организация долганского языка принципиально отлична от эскимосской. Долганский язык, в отличие от эргативного эскимосского, является номинативным (как и русский), однако его падежная система и синтаксис имеют тюркскую специфику. Например, наличие в долганском языке категории сказуемости (личного спряжения имен) и особых форм принадлежности, согласующихся с лицом и числом обладателя, формирует сложную морфологическую структуру.

Категория числа. В русском языке число является словоизменительной категорией, обязательной для всех существительных. В долганском и эскимосском категория числа также присутствует. Однако в эскимосском языке, помимо единственного и множественного, существует двойственное число. Каждое из этих грамматических чисел маркируется специализированными аффиксами: агнақ *‘женщина’* (ед. ч.); агнак *‘две женщины’* (дв. ч.); агнат *‘женщины’* (мн. ч.). Для некоторых разрядов существительных (вещественных) изменение по числам может сопровождаться модификацией лексического значения: нықа *‘мясо’* (как масса); нықык *‘два куска мяса’*; нықыт *‘много разных кусков мяса’*.

В долганском языке, в отличие от эскимосского, морфологическая категория числа представлена бинарной оппозицией: единственное и множественное число. Показателем множественного числа выступает аффикс -лар и его фонетические варианты, выбор которых обусловлен законом сингармонизма: киһи *‘человек’* – киһилэр *‘люди’*. Категория числа тесно взаимодействует с категорией принадлежности, образуя синкретичные аффиксы. Для существительных вещественной семантики форма множественного числа также может приводить к семантической деривации: үүт *‘молоко’* – үүттэр *‘разные порции молока’* или *‘виды молочной продукции’*.

Категория рода. Грамматическая категория рода является центральной зоной структурных различий, поскольку и в долганском, и в эскимосском языках грамматический род отсутствует. В русском языке категория рода является классифицирующей (каждое существительное принадлежит к одному из трех родов) и синтаксически выявленной (согласование с прилагательными, глаголами прошедшего времени, местоимениями). Отсутствие данной категории в сопоставляемых языках создает значительный структурный контраст.

Имя прилагательное: согласование

В русском языке прилагательное согласуется с существительным в роде, числе и падеже. В агглютинативных языках модель иная. В долганском языке прилагательное, выступая в роли определения, не согласуется с определяемым словом, а примыкает к нему, оставаясь в неизменной форме. В эскимосском языке прилагательные как отдельная часть речи менее развиты; многие качественные значения передаются глаголами или относительными именами, которые также не требуют согласования в привычном для русского понимании.

Глагол: категории вида, времени и спряжения

Категория вида. Русская категория вида (совершенный/несовершенный) пронизывает всю глагольную систему, выражая характер протекания действия во времени. В долганском языке вид не является грамматической категорией; видовые значения передаются лексически или с помощью сложных глагольных основ с дополнительными модифицирующими элементами, но они не образуют бинарной оппозиции, пронизывающей всю систему. В эскимосском языке глагол обладает развитой системой словоизменения и словообразования, включающей многочисленные модально-видовые показатели. В эскимосском языке глагол обладает невероятно развитой системой словоизменения и словообразования, включающей многочисленные модально-видовые показатели различных способов действия (множественность, длительность, моментальность и др.), однако эта система организована принципиально иначе. Эскимосский глагол может включать в себя до десятка аффиксов, уточняющих характер действия, но это не есть категория вида в русском понимании, где выбор вида влияет на образование временных форм и сочетаемость с обстоятельствами.

Глаголы эскимосского языка имеют особые видовые формы, которые обозначают различный характер протекания действия во времени, указывая на степень его длительности и интенсивности. Видовых форм довольно много, но не все они одинаково продуктивны. Например: глагол обычного действия қыпхақақуқ *‘работает’*

обозначает нейтральное действие в процессе его совершения; глагол многократного вида нусюгатагакук '*вынимает, вытаскивает часто*' обозначает действие, совершаемое многократно или часто и образуется при помощи суффикса -та/-тага; глагол постоянного действия иглыхкутагакук '*ходит (постоянно)*' обозначает постоянное, незавершенное действие и образуется при помощи суффикса -куга; глагол длительного вида кыпхалькынагакук '*долго работаю я*' обозначает действие, совершающееся длительное и неограниченное время и образуется при помощи суффикса -лѣкина; глагол чуть было не совершившегося действия унѣпакавзихтуна '*чуть было не сказала*' обозначает действие, которое должно было свершиться, но не свершилось по каким-либо причинам и образуется при помощи суффикса -кавзи; глагол однократного вида кавакахтук '*вдруг заснул, на мгновение*' обозначает мгновенное, непродолжительное, однократное действие и образуется при помощи суффикса -ках и так далее. Тот или иной суффикс привносит в значение глагола аспектуальное значение.

Представленный материал демонстрирует богатую систему аспектуальных (видовых) форм в эскимосском языке, где характер протекания действия (длительность, многократность, интенсивность, внезапность) выражается специализированными суффиксальными показателями.

Аналогичные процессы наблюдаются и в долганском языке. Как и в эскимосском языке, аспектуальность в долганском выражается преимущественно деривационными суффиксами. Для многократного действия используется суффикс -тала/-тэлэ: бар '*иди*'; барталаа '*хаживать (многократно)*'. Длительность передается суффиксами -аак/-ээк: омор '*сиди*'; омороктоо '*сидеть долго*'. Мгновенное действие маркируется суффиксом -ыс/-ис: түс '*падай*'; түһүс '*упасть (стремительно)*'. Конструкция «форма на -ыы + тагыс» (букв. «*вышел делать*») передает значение близкого к реализации, но прерванного действия: аһыы тагыста '*он чуть не открыл*'.

Таким образом, как и в эскимосском языке, видовые оттенки долганского глагола формируют сложную и семантически емкую систему. В обоих языках аспектуальность выражается преимущественно деривационными (словообразовательными) суффиксами, которые модифицируют корневую основу, указывая на такие нюансы протекания действия, как кратность, длительность, интенсивность, мгновенность или прерванность. Это свидетельствует о типологическом сходстве в способах концептуализации времени и действия в данных языках, несмотря на их генетическое различие (эскимосские языки относятся к эскимосско-алеутской семье, а долганский – к тюркской).

Категория времени. Система времен в русском языке относительно проста (прошедшее совершенное/несовершенное, настоящее, будущее совершенное/несовершенное). В долганском языке система времен более сложна и включает несколько прошедших времен (определенное, неопределенное, давнопрошедшее). В языке азиатских эскимосов выделяется пять грамматических времен: настоящее, близко прошедшее, прошедшее, будущее и близко будущее: аглягакуна '*я иду*' в настоящем времени, агляхтуна '*я сейчас шла*' в близко прошедшем времени, аглямаңа '*я шла*' в прошедшем времени, агляхтыкуна '*я сейчас пойду*' в близком будущем времени, аглягакуна '*я пойду*' в будущем времени.

В эскимосском языке категория времени тесно спаяна с категорией наклонения и лично-числовыми показателями. Однако главная интерференция связана не с количеством времен, а с их связью с видом.

В долганском языке временная система также демонстрирует детальную дифференциацию. Настоящее время представлено формой настояще-будущего на -ар (гини нуруйар '*он пишет (сейчас/вообще)*'). Будущее время имеет несколько форм, среди которых выделяется форма на -ыа (нуруйуо '*напишет*'). Наиболее разработана система прошедшего времени: недавно прошедшее на -та (нуруйда '*написал (только что)*'); прошедшее незаконченное на -быт (нуруйбут '*писал (и есть результат)*'); давнопрошедшее на -ыактаага (нуруйуктаага '*писал (очень давно)*').

В обоих языках категория времени не ограничивается простым указанием на хронологическую последовательность, а выполняет функцию тонкой дифференциации темпоральной перспективы, позволяя говорящему точно позиционировать действие относительно момента речи с учетом его актуальности, дистанции и характера протекания. Это свидетельствует об изоморфизме когнитивных стратегий в освоении временных категорий в языках различного генетического происхождения.

Категория лица. В русском языке личные окончания глагола различаются в зависимости от спряжения, при этом наблюдается омонимия форм. В эскимосском языке глагол характеризуется словоизменением по лицам и числам. Специфической особенностью данной системы, отличающей ее от русского языка, является способность глагольной формы репрезентировать лицо не только подлежащего, но и прямого дополнения. В зависимости от этого параметра в эскимосской грамматике разграничиваются два типа спряжения: субъектное (в глагольной форме эксплицировано только лицо подлежащего) и субъектно-объектное (в глагольной форме одновременно выражены лица как подлежащего, так и прямого дополнения).

Ввиду отсутствия грамматической категории рода глагольные парадигмы включают три числа – единственное, множественное и двойственное. В формах третьего лица семантика лица репрезентируется местоимением лѣаңа. Парадигма субъектного спряжения на примере глагола аглягаку '*идти*' выглядит следующим образом: аглягакуна '*я иду*', аглягакукуң '*мы двое идём*', аглягакукут '*мы идём*', аглягакутын '*ты идёшь*', аглягакутык '*вы двое идёте*', аглягакуси '*вы идёте*', аглягакук '*он идёт*', аглягакук '*они двое идут*', аглягакут '*они идут*'.

Субъектно-объектное спряжение представляет собой типологически редкое явление, не имеющее прямой аналогии в русском языке. Его сущность заключается в одновременной референции к двум актантам – субъекту и объекту действия – в пределах одной глагольной словоформы. Иллюстративные примеры субъектно-объектных форм на базе глагола схагака '*видит*': схагакамкын '*я вижу тебя*'; схагакамтык '*мы видим вас двоих*'; схагакака '*я вижу его*', схагакапут '*мы видим их*'; схагакаси '*они видят вас*' и другие словоформы.

Полная парадигма субъектно-объектного спряжения включает 42 специализированные формы, что свидетельствует о высокой степени грамматической сложности и детализации в выражении актантных отношений.

В долганском языке, как и в эскимосском, глагольная система характеризуется развитым словоизменением по лицам и числам. Подобно эскимосской грамматике, в долганском языке отсутствует категория рода, что унифицирует личные окончания для всех имен и местоимений, выступающих в роли подлежащего. Однако типологически механизм выражения актантных отношений в долганском языке строится на ином принципе, нежели в эскимосском.

Если в эскимосском языке специфика глагольной парадигмы заключается в способности репрезентировать как лицо субъекта, так и лица прямого дополнения (субъектно-объектное спряжение), то в долганском языке дифференциация типов спряжения обусловлена иным грамматическим фактором, принадлежностью или непринадлежностью объекта действия. В зависимости от этого параметра в долганской грамматике традиционно разграничиваются два основных типа спряжения: личное (или субъектное) и притяжательное (или субъектно-посессивное).

Парадигма личного (субъектного) спряжения на примере глагола кэл 'приходить' (основа настоящего времени кэл-эр) выглядит следующим образом (используются формы, аналогичные эскимосскому принципу выражения только лица субъекта): кэл-э-бин 'я прихожу', кэл-э-бит 'мы приходим', кэл-э-гин 'ты приходишь', кэл-э-гит 'вы приходите', кэл-эр 'он/она/оно приходит', кэл-э-лэр 'они приходят'.

Специфической особенностью долганской глагольной системы, отличающей ее как от русского, так и от вышеописанного эскимосского языка, является наличие так называемого притяжательного (субъектно-посессивного) спряжения. В отличие от эскимосского субъектно-объектного спряжения, которое маркирует одновременно субъект и прямой объект, долганское притяжательное спряжение указывает на субъект действия и на принадлежность объекта действия (часто выраженного прямым дополнением) какому-либо лицу. Чаще всего оно функционирует в составе именного сказуемого или при оформлении глагола с частицей, однако наиболее ярко проявляется в конструкциях с причастиями, где причастие принимает посессивные окончания, согласуемые с лицом субъекта. Сущность данного явления заключается в том, что предикативная форма содержит указание на лицо производителя действия через аффикс принадлежности.

Иллюстративные примеры субъектно-посессивных форм на базе сочетания причастия туппут 'державший' (от глагола тут 'держат') с посессивными показателями: тут-пут-ум 'то, что я держал (букв. моё держанное)', тут-пут-ун 'то, что ты держал (твой держанное)', тут-пут-а 'то, что он держал (его держанное)', тут-пут-бут 'то, что мы держали (наше держанное)', тут-пут-ут 'то, что вы держали (ваше держанное)', тут-пут-ара 'то, что они держали (их держанное)'.

Хотя по своей функции субъектно-посессивное спряжение отличается от эскимосского субъектно-объектного, оно также представляет собой явление, не имеющее прямой аналогии в русском языке, поскольку в пределах одной словоформы (или аналитической конструкции) кодируется связь действия с лицом и одновременно принадлежность результата этого действия.

Полная парадигма долганского глагола, включающая различные временные формы и наклонения как в личном, так и в притяжательном типах спряжения, демонстрирует высокую степень грамматической сложности. В долганском языке, с учетом агглютинативного характера аффиксации и сочетаемости личных и посессивных показателей, количество возможных словоформ также весьма значительно, что свидетельствует о детализированной системе выражения субъектно-объектных и посессивных отношений в тюркских языках, к которым относится долганский.

В русском языке личные окончания глагола различаются в зависимости от спряжения, при этом наблюдается омонимия форм. В долганском и эскимосском языках лично-числовые показатели глагола, как правило, стандартны и регулярны для всех глаголов (свойство агглютинации). Интерференция здесь проявляется в стремлении унифицировать русские окончания, что ведет к ошибкам в определении спряжения и, как следствие, в написании безударных личных окончаний.

Сопоставление трех языков показывает, что основные различия между ними обусловлены типологическим строем: русский (флективный) имеет грамматический род, бинарный вид и согласование прилагательных, чего нет в долганском и эскимосском языках. Эскимосский язык дополнительно выделяется эргативной конструкцией, двойственным числом и субъектно-объектным спряжением. Долганский язык сохраняет номинативный строй, но обладает притяжательным спряжением. Эти системные расхождения создают зоны устойчивой интерференции при изучении русского языка носителями долганского и эскимосского языков.

Заключение

Проведенный сопоставительный анализ грамматических категорий имени и глагола в русском, долганском и эскимосском языках демонстрирует фундаментальные типологические различия между флективным строем русского языка и агглютинативным строем долганского и эскимосского языков и позволяет подвести следующие итоги.

Отбор грамматических категорий для анализа показал, что общими для всех трех языков являются категории падежа, числа, лица и времени. Категория рода и бинарная видовая оппозиция (совершенный/несовершенный) присутствуют только в русском языке. В долганском и эскимосском род отсутствует, а видовые различия значения передаются не грамматической категорией, а словообразовательными суффиксами, обозначающими многократность, длительность, мгновенность и другие аспектуальные оттенки.

Сравнительный анализ формального выражения и функциональной нагрузки выделенных категорий выявил следующие конкретные расхождения. По падежу: русская шестипадежная система с омонимией окончаний противопоставлена восьмипадежной системе долганского (с узкими значениями каждого падежа) и семипадежной системе эскимосского, включающей эргативный падеж. Эскимосский язык использует эргативную конструкцию предложения, тогда как русский и долганский являются номинативными. По числу: русский и долганский различают единственное и множественное число, эскимосский дополнительно имеет двойственное число. По роду: категория имеется только в русском и влияет на согласование прилагательных, местоимений и глаголов прошедшего времени. По времени: в русском языке различается три времени; в долганском языке – несколько форм прошедшего (недавнее, результативное, давнее) и форма настоящего-будущего времени; в эскимосском языке имеется пять временных форм (настоящее, близкое прошедшее, прошедшее, близкое будущее, будущее). По лицу и спряжению: русские личные окончания зависят от спряжения и имеют омонимию; в долганском и эскимосском языках лично-числовые показатели стандартны. Эскимосский глагол обладает субъектным и субъектно-объектным спряжением (до 42 форм), кодирующим лицо подлежащего и прямого дополнения в одной словоформе. Долганский глагол имеет личное и притяжательное (субъектно-посессивное) спряжение, маркирующее принадлежность объекта действия. Ни одна из этих моделей не имеет прямого аналога в русском языке.

Типологическая интерпретация выявленных контрастов и лакун подтверждает, что все зафиксированные различия являются системными и обусловлены принадлежностью языков к разным типологическим классам. Эргативная конструкция эскимосского, отсутствие рода в долганском и эскимосском, отсутствие грамматического вида в обоих языках, а также наличие сложных типов спряжения (субъектно-объектного и субъектно-посессивного) – это не случайные особенности, а закономерные следствия агглютинативного строя при его сопоставлении с флективным русским. Именно эти зоны создают устойчивую грамматическую интерференцию в речи билингвов – носителей долганского и эскимосского языков при овладении русским.

Результаты анализа вносят вклад в типологическое языкознание и могут служить основой для дальнейших исследований в области контактной лингвистики и сравнительно-исторического языкознания. Перспективным представляется расширение спектра анализируемых грамматических категорий за счет включения данных других языков палеоазиатской и уральской семей для создания комплексной типологической модели грамматических систем языков Северной Азии.

Материалы исследования | Research materials

1. Артемьев Н. М. Долганский язык: учебное пособие для вузов: в 2 ч. СПб.: Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 2001.
2. Меновщиков Г. А. Грамматика языка азиатских эскимосов: в 2 ч. М. – Л., 1962. Ч. 1.
3. Меновщиков Г. А. Грамматика языка азиатских эскимосов: в 2 ч. М. – Л., 1967. Ч. 2.
4. Меновщиков Г. А. Эскимосский язык: учебное пособие для педагогических училищ. Л., 1960.
5. Рубцова Е. С. Эскимосско-русский словарь / под ред. Г. А. Меновщикова. 19 000 слов. М., 1971.

Источники | References

1. Беглова Е. Е., Назмутдинова Т. С., Чебоксарова Б. Е. Трансформация языковой ситуации в условиях межэтнических взаимодействий в Арктической Якутии // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2013. № 4 (73).
2. Бурмистрова Т. А. Грамматические особенности русского и китайского языков: сопоставительный аспект // Язык и текст. 2024. Т. 11. № 3. <https://doi.org/10.17759/langt.2024110301>
3. Вахтин Н. Б. Морфологическая эргативность в эскимосском языке (опыт типологической реконструкции) // Палеоазиатские языки: сборник статей. Л.: Наука, 1986.
4. Вахтин Н. Б. Языки народов Севера в XX веке. Очерки языкового сдвига. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001.
5. Головацкая Т. П. Особенности интерференции эскимосского и русского языков в период с 1930-1960 г. // Реальность этноса. Образование и этносоциализация молодежи в современной России: сборник статей. СПб., 2012.
6. Головацкая Т. П. Проблемы сохранения и развития языка азиатских эскимосов // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. 2010. № 2 (10).
7. Зайцева Н. Ю., Курбатова С. Г. Особенности усвоения французского языка студентами-билингвами: трудности и пути их преодоления // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2025. № 217. <https://doi.org/10.33910/1992-6464-2025-217-327-337>
8. Назмутдинова Т. С. Синтаксическая интерференция в речи долгано-русских билингвов (на материале языка анабарских долган): монография. СПб.: Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 2017.
9. Убрятова Е. И. Язык нориловских долган. Новосибирск: Наука, 1985.
10. Федорова Т. С. Экспериментальное исследование синтаксической интерференции в речи долгано-русских билингвов // Многоязычие в поликультурном обществе: сборник научных трудов. Якутск, 2005.

11. Федорова Т. С. Языковая интерференция как результат билингвальной коммуникации (на материале долганского языка) // Реальность этноса. Образование и этническая безопасность: сборник статей. СПб., 2011.
12. Novgorodov I. N., Nazmutdinova T. S., Petrov A. A., Zaksor L. Z., Nesterova E. V. The Arctic Altaic Languages // Integrating Engineering Education and Humanities for Global Intercultural Perspectives: Proceedings of the Conference "Integrating Engineering Education and Humanities for Global Intercultural Perspectives" (St. Petersburg, March 25-27, 2020). St. Petersburg: Springer Nature, 2020. https://doi.org/10.1007/978-3-030-47415-7_119

Финансирование | Funding

- RU** Публикация подготовлена в рамках внутреннего гранта Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (проект № 79-ВГ) «Разработка учебных изданий по дисциплинам модулей «Русский язык и литература» и «Речевая деятельность общества», адаптированных для студентов-билингвов Института народов Севера».
- EN** The publication was prepared within the framework of an internal grant from the Herzen State Pedagogical University of Russia (Project No. 79-VG) titled "Development of educational materials for the disciplines of the modules 'Russian Language and Literature' and 'Speech Activity of Society,' adapted for bilingual students of the Institute of the Peoples of the North".

Информация об авторах | Author information

- RU** Головацкая Таисья Павловна¹, к. филол. н., доц.
Назмутдинова Татьяна Станиславовна², к. филол. н., доц.
Сидоренко Константин Павлович³, д. филол. н., проф.
^{1, 2, 3} Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург
- EN** Taisya Pavlovna Golovatskaya¹, PhD
Tatiana Stanislavovna Nazmutdinova², PhD
Konstantin Pavlovich Sidorenko³, Dr
^{1, 2, 3} The Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg
- ¹ goltaya@yandex.ru, ² scurumoch@mail.ru, ³ sidorenko274@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 15.04.2026; опубликовано online (published online): 15.05.2026.

Ключевые слова (keywords): грамматические категории; эскимосский язык; долганский язык; русский язык; эргативная конструкция; grammatical categories; Eskimo language; Dolgan language; Russian language; ergative construction.